

- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Здесь (и далее) в цитируемом документе приведено японское чтение корейских топонимов. После установления колониального режима в Корее японские власти переименовали корейские названия на японский лад. Поэтому в скобках мы приводим исконные корейские наименования географических пунктов и историко-географических понятий.
- ¹⁷ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 23, 23, об.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 81. Л. 10.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 76. Л. 37.
- ²⁰ Там же. Л. 38.
- ²¹ Все эти корейские топонимы записаны Н. И. Конрадом китайскими иероглифами.
- ²² ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 38.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 81. Л. 41.
- ²⁵ Там же. Л. 52.
- ²⁶ Очевидно, речь идет о японских коллекциях, собранных Н. И. Конрадом в Японии для МАЭ.
- ²⁷ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 29—30.
- ²⁸ Там же. Ед. хр. 85. Л. 9.
- ²⁹ *Ионова Ю. В.* История формирования и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. Сборник МАЭ. Т. ХLI. Л., 1987. С. 15.
- ³⁰ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 7.
- ³¹ *Ионова Ю. В.* Указ. раб. С. 14.
- ³² ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 44. Русский текст телеграммы написан с помощью латиницы. Адрес написан по-английски.
- ³³ *Ионова Ю. В.* Указ. раб. С. 14—15.
- ³⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 31.
- ³⁵ Там же. Л. 31 об., 32.
- ³⁶ Там же. Л. 40.
- ³⁷ Там же. Л. 38 об.
- ³⁸ Архив АН СССР. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 9.
- ³⁹ Там же. Очерки. С. 59.
- ⁴⁰ Там же. С. 55.
- ⁴¹ Там же. С. 56.
- ⁴² Там же. С. 139.
- ⁴³ Там же. С. 102—116.
- ⁴⁴ Там же. С. 104.
- ⁴⁵ Там же. С. 135—138.
- ⁴⁶ Там же. С. 138.
- ⁴⁷ *Петрова О. П.* Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. I. М.; Л., 1956.
- С. 12.
- ⁴⁸ См., например: *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М., 1982. С. 216. С. 15.
- ⁴⁹ Архив АН СССР. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 9. 32 с.

© 1991 г., СЭ, № 5

М. П. Малышева, В. С. Познанский

КАЗАХСКИЙ ЭТНОГРАФ ЧИНГИС ВАЛИХАНОВ

Человек, которому посвящена эта статья, — отец выдающегося казахского ученого и просветителя Чокана Валиханова — Чингис Валиевич Валиханов.

В исторической литературе ему уделяли внимание лишь постольку, поскольку он содействовал приобщению сына к русской культуре, а также помогал ему в его собирательской деятельности, передавая для коллекций ценные экспонаты. Так, О. А. Сегизбаев писал: «Ориенталисты М. В. Ладыженский, Н. Ф. Костылецкий, Г. Н. Потанин, а также Общество антропологии и этнографии при Казанском университете в своей исследовательской работе широко использовали этнографические и иные материалы, собранные Чингисом»¹. О том же более обстоятельно пишут и другие казахстанские исследователи².

Сходным образом трактует деятельность Чингиса Валиханова В. А. Вишневецкая. Описывая материалы Музея антропологии и этнографии АН СССР, она сообщает: «В 1891 г. в РГО (Русское географическое общество.— М. М., В. П.) поступила коллекция из Акмолинской области Кокчетавского уезда от полковника Чингиса Валиханова. Многие вещи, присланные им, предназначались для международной выставки. После ее закрытия часть их, видимо, вернулась в музей. Из всей коллекции сохранились лишь ножны, украшенные металлическими пластинами»³.

Обнаруженные в последнее время в архивах документы, вышедшие из-под пера Чингиса Валиханова, позволяют внести коррективы в традиционную точку зрения и утверждать, что он не только был причастен к исследованиям, проводимым другими учеными, но и был самобытным этнографом.

Сын последнего хана Среднего жуза казахов Чингис родился в 1811 г. В 1831—1834 гг. он учился в Омске, в Азиатской школе переводчиков при училище Сибирского Линейного казачьего войска. Вернувшегося на родину соплеменника съезд султанов и старшин Аман-Карагайского округа избирает ага-султаном (старшим султаном) — управителем округа. По должности он получает от начальства чин майора. Позднее Чингис Валиханов управлял Кушмурунским и Кокчетавским округами, несколько лет служил советником в находившемся в Омске Областном правлении сибирских киргизов (до революции казахов называли киргиз-кайсаками.— М. М., В. П.). В его послужном формулярном списке особо отмечено, что после приема у императора Александра II, на который Чингис попал как член «депутации от кайсаков Средней орды», он «высочайшим приказом, отданным по Военному ведомству 8 декабря 1855 года за № 53, произведен в полковники и награжден орденом Св. Станислава второй степени, для мусульман установленным»⁴.

Блестящая карьера Чингиса как администратора прервалась в 1867 г., когда он выступил с протестом против расправы над друзьями его покойного сына Чокана — идеологами демократического сибирского движения — «областничества» Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым, Ф. Н. Усовым и др. Генерал-губернатор Западной Сибири приказал военному губернатору Области сибирских киргизов вызвать Чингиса Валиханова из Кокчетава в Омск «для личных объяснений» по поводу «докладной записки, в которой он выразил преступные мысли против правительства». Результат мог быть единственным — отставка ага-султана. Опальный полковник до глубокой старости кочевал со своим родом в степях Кокчетавского уезда Акмолинской области Степного края. Здесь его посетил в 1895 г. Г. Н. Потанин, надевшийся «в центре киргизской жизни, у окрестностей горы Кокчетау», где в XVIII в. находилась «ставка киргизских ханов», собрать казахские сказания, а также «материалы по звездному и животному эпосу и предания о предках киргизских поколений». В статьях Г. Н. Потанина «О поездке в аул Чингиса Валиханова» и «В юрте последнего киргизского царевича» — давалась оценка общественной деятельности Чингиса Валиханова, главным направлением которой было установление связей с русской интеллигенцией, в том числе учеными-ориенталистами, и приобщение к русской культуре Чокана. Потанин делал вывод: «В течение не менее полувека омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население трех лиц: султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова как самых сведущих в степных обычаях людей. В архивах омских канцелярий, вероятно, найдется немало трактатов и записок о киргизском хозяйстве или о киргизских судебных порядках и т. д., составленных Чоканом по собранным им лично данным или написанных под диктовку Мусы или султана Чингиса»⁵. Автограф Чингиса Валиханова на документе 1901 г. позволил установить, что он прожил более 90 лет⁶.

В статье «В юрте киргизского царевича» Г. Н. Потанин упоминает о том, что Чингис Валиханов после окончания учебы в Омске дружил с А. А. Сотниковым, который подал идею отправить Чокана в Омский кадетский корпус, а потом

в Омске опекал талантливого подростка. Думается, контакты Чингиса с Сотниковым способствовали пробуждению у ага-султана интереса к этнографии. О русском *тамьре* (породнившимся друге) своего гостеприимного хозяина Потанин дал такие сведения: «Сотников, ориенталист из Казанского университета, влюбился в киргизский народ; каждое лето он приезжал в аул султана Чингиса и в течение нескольких месяцев кочевал вместе с ним по Кушмурунскому округу, жил в киргизской юрте и одевался по-киргизски»⁷. Как установили казахстанские историки, Сотников наряду с другими чиновниками из Омска по инициативе М. В. Ладыженского, пограничного начальника Правления Области сибирских киргизов, собирал материалы по казахскому фольклору и праву⁸.

Известно, что с 1830-х годов началось собирание казахского фольклора, в частности поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Казахстанские ученые пришли к выводу, что Чокан еще в детстве, «п о м о г а я о т ц у (разрядка наша.— М. М., В. П.), записывал варианты названной поэмы, „Еркокше“ и других произведений устного народного творчества казахов»⁹. Если учесть, что мальчик овладел арабской графикой к четырем годам (родился Чокан в 1835 г.), то очевидно, что в конце 1830-х годов он уже мог начать помогать отцу записывать фольклорные материалы. Автор научно-популярной книги о Чокане И. И. Стрелкова прямо указывает, что он, «подражая отцу, пристрастился записывать степные сказания и поэмы» у езжавших в аул акынов и уленчи¹⁰. И. И. Стрелкова отмечает, что так была зафиксирована пропетая известным сказителем Джанаком одна из вариаций «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Далее автор пишет, что отец и дядя Чокана, Муса Чорманов, исследователь этнографии казахов, ценил его помощь и нередко отправляли записи ученым-востоковедам¹¹.

Вероятно, узнав о контактах ориенталистов со старшим султаном Аман-Карагайского округа, М. В. Ладыженский в начале 1840 г. отправил своему подчиненному письмо с необычным приказом: «Препоручаю Вам сделать для меня собрание песен, сказок, преданий и пословиц киргизского народа, столь богатого этими произведениями». Затем предлагалась тщательно разработанная классификация фольклорного материала, который собиратель должен был записывать в разные тетради. М. В. Ладыженский требовал учитывать надписи на камнях и развалинах старых построек, фиксировать предания, связанные с топонимикой¹². Для облегчения работы письмо было переведено в канцелярии пограничного начальника на казахский язык. К сожалению, ни четырех тетрадей с записями Чингиса Валиханова, ни каких-либо иных документов, свидетельствующих о выполнении ага-султаном этого поручения, в архивах пока не обнаружено. Зная же, как серьезно относился к полученным из Омска приказам Чингис Валиханов, исследователи не сомневаются, что задание, имевшее непосредственное отношение к развитию русской науки, выполнялось в меру сил, знаний и способностей ага-султана.

И. И. Стрелкова, в частности, отмечает, что Чингис Валиханов одобрял увлечение Чокана рисованием, с малолетства брал его с собой на археологические раскопки, где мальчик «старательно срисовывал древнюю утварь, оружие, украшения. Осмелев, он стал рисовать юрты, верблюдов, людей»¹³. Следовательно, Чингис Валиханов с начала 1840-х годов занимался этнографией. Мы полагаем, что в те годы он проводил не собственно археологические раскопки, а выполнял задания из Омска по поиску черепов для антропологов¹⁴ и фиксации рисунков и надписей на надгробных камнях. Естественно, не только служебное рвение направляло активную деятельность Чингиса Валиханова, но и осознание пользы поднятия культуры «в степном крае», которое было невозможно без развития науки.

С конца 1830-х годов ага-султан общается с учеными, его резиденцию (Кушмурун, Сырымбет) посещают почти все направлявшиеся в научные путешествия в восточную часть «Киргизской степи» посланцы Академии наук, Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела. Многим

из них в канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири изначально намечался маршрут: Омск — аул Чингиса Валиханова и лишь затем местность, где должно было вестись определенное (геогностическое, ботаническое и т. д.) исследование. Западно-сибирская администрация старалась направлять туда ученых, занимавшихся главным образом историей, этнографией, лингвистикой казахов. Так, в 1840 г. у Чингиса Валиханова побывал акад. А. И. Шренк, интересовавшийся мавзолеем Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Он описал памятник, сделал ряд открытий в малоизвестных в то время науке семипалатинских степях и представил ценный, как считали в научных кругах Санкт-Петербурга, отчет¹⁵. Несомненно, Шренку во время его экспедиции были полезны консультации много знавшего о родном крае и неплохо владевшего русским языком Чингиса. Бесспорно, Чингис Валиханов помог академику собрать вещественную коллекцию, которая вместе с другими предметами спустя годы обогатила Этнографический музей Российской Академии наук. В архивных документах Академии значится, что в 1856 г. «куплено было у доктора Шренка 1) собрание древностей с Алтайских гор и Киргизской степи и 2) собрание этнографических предметов киргизских, монгольских и китайских» и что собрание Шренка включало «чудские древности с Алтая и Жунгаро-Киргизской степи»¹⁶.

Взаимовлияние чиновников Правления Области сибирских киргизов в Омске и тех редких грамотных казахов, которые после получения русского образования жили во «внешних киргизских округах», — типичное явление для второй четверти XIX в. Казахстанские историки правильно указывают на то, что бывавшие в ауле Чингиса Валиханова декабристы Н. В. Басаргин, С. М. Семенов, служившие в областном правлении, и другие прогрессивные общественные деятели и ученые привносили свежую струю в жизнь и быт передовой казахской семьи и способствовали, таким образом, формированию научных интересов Чокана. В тени остается важный, на наш взгляд, факт: гости ага-султана тоже получали от него много сведений о казахах и других степных народах, о восточной культуре, знатком которой Чингис признавался современниками. Преподаватели Омского кадетского корпуса Н. Ф. Костылецкий и Ташмухаммед Сейфуллин, администраторы К. К. Гутковский и А. К. Гейнс и все те, кому довелось побывать кунаками Чингиса Валиханова, отмечали радушие хозяина и одновременно его житейскую мудрость, знания, которыми он щедро делился.

В 1849 г. Главное управление Западной Сибири известило исправлявшего должность пограничного начальника Области сибирских киргизов полковника Клейста, что в Санкт-Петербурге «в прошедшем году приношениями некоторых чинов Русского географического общества и других образованных лиц положено в Обществе начало этнографического собрания, состоящего из народных одеяний разных племен, населяющих Россию, но в этом музее недостает одеяний инородцев Западной Сибири». Просьба из Омска во «внешние киргизские округа» заключалась в приобретении для столичных ученых экземпляра «праздничного одеяния инородца». Взявшийся исполнить поручение Чингис Валиханов представил своему омскому начальству для отправки далее по назначению вещи, составлявшие «киргизский мужской костюм». Предметы костюма перечислены в сохранившемся реестре: «1) Лисья шапка, крытая синей канфой; 2) бархатный тюбетей, обложенный выдрой и с позументом; 3) красного сукна вышитые шелком одне чембары (шаровары.— М. М., В. П.); 4) желтый яргак (*джаргак* — замшевая накидка.— М. М., В. П.) из козлиных шкур, вышитый разными шелками, обложенный кругом бархатом и выдрой, на ситцевом подкладе; 5) одна калта (мешочек, выполнявший функцию кошелька.— М. М., В. П.) в серебряной оправе... 8) огниво, обложенное зеленым бархатом, оправленное серебром; 9) натруска (пороховница.— М. М., В. П.) из желтой кожи с серебряной оправой»¹⁷. 29 августа 1850 г. Совет Русского географического общества через пограничного начальника Области сибирских киргизов «изъявлял искреннюю признательность за доставление мужского киргиз-кайсацкого костюма» старшему султану Кушмурунского округа майору Чингису Валиханову¹⁸.

В дальнейшем Чингис Валиханов еще многие годы оставался единственным в Северо-Восточном Казахстане «поставщиком» экспонатов для научных учреждений России. На обращение из Санкт-Петербурга и Москвы, которые достигали «киргизских округов», в Омск от старших султанов шли рапорты такого типа: «Сочувствуя вполне со своей стороны, к содействию на пополнение этнографического отдела Румянцевского музея, при всем моем желании не могу ничего представить к обогащению этой отрасли науки, не имея никакого научного даже понятия об этой науке»¹⁹. Выход в подобных случаях находили в том, что султаны съезжались и упрасивали самого уважаемого из них и старшего по чину выполнить за всех приказание омского начальства. Другие же округа выделяли для этой цели денежные средства. Договоры оформлялись документально, заверялись тамгами, иногда их писали на русском языке. Например, запись ага-султана Атбасарского округа Джениева: «Мы предложили г. полковнику Валиханову собрание требуемых предметов и доставление таковых по принадлежности принять на себя, на что г. Валиханов изъявил полное согласие»²⁰.

В литературе, посвященной Чокану Валиханову, явно недооценивается помощь, которую ему оказывал отец в этнографических изысканиях, и совсем упускается из виду самостоятельная работа Чингиса.

Во время учебы Чокан ежегодно ездил на летние каникулы в отцовский аул²¹. Здесь он продолжал помогать отцу в его собирательской деятельности, перенимая его знания и опыт, следуя отцовским наставлениям. Вряд ли справедливо игнорировать упоминания о Чингисе Валиханове в документах, касающихся Чокана. Например, во многих работах цитируется фраза из письма 1852 г. Н. Ф. Костылецкого проф. И. Н. Березину: «Хочу познакомить Вас с содержанием народной поэмы „Козу-Курпеч и Баян-Сулу“, список которой доставлен был одному из покойных моих приятелей старшим султаном Кушмурунского приказа Чингисом, сыном последнего хана Средней орды Валия»²². Запись же произвел по просьбе Чингиса Чокан. Ошибка допускается в тех случаях, когда главная заслуга в создании «кушмурунского» варианта «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» приписывается Чокану.

Обратим внимание на факт в биографии Чокана Валиханова, до сих пор не привлекавший внимания исследователей: за его короткую жизнь (он умер весной 1865 г., не дожив до 30 лет) ему в научной деятельности оказывал большую помощь Чингис Валиевич как советчик, а в ряде вопросов и как более сведущий консультант по истории и этнографии. Он поручал подбирать нужные этнографические и фольклорные материалы для Чокана даже его друзьям и своему младшему сыну Жакупу²³.

В последние годы службы Чингис Валиханов выполнял запросы Московского публичного и Румянцевского музеев о пополнениях этнографического отдела не только экспонатами, но и описаниями. Так, в июне 1865 г. в Москву был послан документ «Сведения, составленные старшим султаном Кокчетавского округа полковником Валихановым, относящиеся к этнографии». Написанный Чингисом Валихановым очерк «Свадебные обряды у киргизов» воссоздает всю обрядность, начиная со сговора родителей малолетних детей и до свадебной церемонии. Интересны также сведения и об условиях сожителства сосватанных молодых людей, когда семья жениха не могла выплатить калым до их совершеннолетия, а также о правилах вторичного замужества вдовы²⁴.

Наиболее полно в пору службы Чингис Валиханов описан в дневниковых заметках офицера Генерального штаба А. К. Гейнса, члена Степной комиссии, возглавлявшейся представителями МВД Ф. К. Гирсом, которая готовила проект положения об управлении всех трех казахских жузов²⁵. Встреча Чингиса и Гейнса произошла 16 июня 1865 г. и произвела на последнего неблагоприятное впечатление: ага-султан ожидал высоких гостей у подготовленной к праздничному току (пиршеству) юрты «в каком-то фантастическом костюме». Невдомек было человеку из столицы, что Чингис Валиевич считал долгом соблюдать

Чингис Валиевич Валиханов
(лето 1865 г.)

торжественно-скорбный вид — при всех регалиях и с черкесской саблей — подарком недавно умершего любимого старшего сына (у ага-султана в то время оставалось 10 младших детей). Фотография, на которой запечатлен Чингис Валиханов, служит наглядным источником сведений о том, какую одежду носил богатый казах, занимавший высокую административную должность (рисунок).

Спустя несколько недель тон записей Гейнса меняется. Чингис Валиханов объяснял ему правовые нормы казахов, разницу в понятиях о краже, грабеже, *баранте* (насильственном угоне скота.— М. М., В. П.), иллюстрируя рассказы житейскими примерами.

Запись Гейнса от 11 августа предваряется как бы вступительным словом: «Чингис Валиханов обрисовал мне очерк промышленности здешнего округа. Вот в кратких словах то, что я от него услышал о промышленности киргизов»²⁶. Описание промыслов и быта казахского населения составило несколько страниц печатного текста.

Уезжая, Гейнс констатировал, что только в Кокчетавском округе от его управителя Валиханова и в Баян-Аульском от старшего султана Мусы Чорманова Степная комиссия получила искомые «хорошие сведения», а в остальных округах Области сибирских киргизов работа ее оказалась безрезультатной.

В ответ на письмо художника М. С. Знаменского, который в 1876 г. сообщил о том, что через несколько месяцев в Санкт-Петербурге откроется приуроченная к III Международному конгрессу ориенталистов этнографическая выставка,

Чингис писал другу Чокана: «Я, к несчастью моему, в настоящее время не имею таких вещей, которые бы могли обратить взгляд публики, чтобы познакомиться с современным и древним бытом людей, населяющих область кайсаков, ибо замечательные и любопытные костюмы древних кайсаков, в особенности бывшего хана, покойного отца моего Валихана, кольчуга, шлем и прочие, были переданы мною приезжавшему сюда в степь с комиссией в 1865 г. генерал-майору Гейнсу; другие же не менее любопытные и ценные вещи доставлены были также мною на Московскую выставку, бывшую в 1867 г.»²⁷

Нам повезло с поиском архивных материалов об участии Чингиса в сборе этнографических экспонатов для упоминаемой в письме к Знаменскому выставки 1867 г. в Москве, организованной Обществом любителей естествознания и Румянцевским музеем. В октябре 1866 г., после получения запроса ученых из Москвы, который, как обычно, пришел к управителям казахских округов через Омск, Чингис Валиханов приступает к его исполнению.

7 ноября ага-султан рапортует военному губернатору Области сибирских киргизов: «Имею честь донести, что для этнографической выставки юрта, одежды и некоторые вещи и посуды в настоящее время готовы и надеюсь в скором времени приобрести и остальное, так что к последним числам сего ноября месяца по зимнему пути постараюсь представить все в требуемом количестве»²⁸. 12 декабря 1866 г. целый санный обоз отправился из Кокчетавы в Омск, а оттуда в сопровождении подобранных Валихановым казахов — в Москву, «Благонадежные киргизы», доверенные кокчетавского ага-султана Тунгат Саукенбаев и Майке Сарымсаков, получили от него наказ: в торжественной обстановке объявить, что все посылаемое оплачено не из казенных средств, а безвозмездно приносится в дар устроителям выставки.

Позднее, в ноябре 1867 г., непосредственному начальнику Чингиса — военному губернатору Области сибирских киргизов из Главного управления Западной Сибири сообщили: «Совет Императорского общества любителей естествознания от 25 минувшего октября за № 2055 препроводил в Главное управление Западной Сибири три свидетельства на награды, присужденные Обществом, для доставления их по назначению — полковнику Валиханову и киргизам Сарымсакову и Саукенбаеву, доставившим в Москву коллекции, принесенные в дар г. Валихановым. Означенные свидетельства 4-е отделение Главного управления имеет честь препроводить при сем к вашему превосходительству для выдачи по принадлежности»²⁹.

Коллекция предметов быта казахов Северного Казахстана, подаренная Чингисом Валихановым этнографам Москвы и влившаяся в фонды Румянцевского музея, насчитывала более сотни наименований³⁰. В числе предметов составленного кокчетавским ага-султаном «Реестра вещам, отправленным в Москву на этнографическую выставку», значится огромная даже по понятиям казахских богачей юрта со многими принадлежностями. Чингизид, одаривший Санкт-Петербург семейными реликвиями — ханскими вещами (отправлены с членом Степной комиссии Гейнсом) не мог допустить, чтобы его вклад в увековечение памяти своего народа в истории Российского государства был малозначительным, бедным. В «Реестре» о султанской белой юрте сказано: «О семи комнатах с чием при керегах, принадлежащими кошмами и прочими украшениями, должествующими быть по киргизскому обычаю, как-то: кроватью, при ней двумя тикеметами (кошмы цветные), двумя коврами, двумя одеялами, двумя занавесами, двумя подушками, одна кошма на пол и покрывало, коржын, двухсторонний мешок»³¹.

Классификация предметов, произведенная Чингисом Валихановым, учитывала несколько признаков: принадлежность предметов по полу, материальному положению, возрасту их владельца, назначение предметов. Поэтому в «Реестре» предметы сгруппированы в несколько «блоков»: «одеяние мужчин богатого состояния», «одеяние простых киргиз», «одеяние женщин» (богатого состояния. — М. М., В. П.), «одеяние простых женщин», «одеяние мальчика богатого

отца», «одежда девочки», «посуда», «музыкальные инструменты и детские игрушки», «конские приборы» (экипировка всадника.— М. М., В. П.), «предметы киргизской орудии» (казахское оружие.— М. М., В. П.).

Чингис Валиханов называл каждый предмет по-казахски, затем объяснял его назначение, указывал материал, из которого он сделан, и т. д. Так, он дает перечень национальной посуды: «1. Саба — в которой выквашивается кумыс. 2. Испек (писпек.— М. М., В. П.) — палка, которой сбивают кумыс... 7. Чора (шара.— М. М., В. П.) — большая чаша, в которую из сабы наливают кумыс и потом разливают по чашкам и пьют».

Налицо отличие одежды бая и бедняка: у первого, как явствует из «Реестра» Чингиса Валиханова, «тумак (тымак.— М. М., В. П.) — зимняя остроконечная шапка на меху из лисьих лап», «джайде (джейде.— М. М., В. П.) и дамбал (рубаша и подштаники) «из белого зону» (коленкора, миткаля), а у бедняка все это «из сарынчи» — дешевой материи. Второе больше предметов одежды у женщин из байской семьи по сравнению с «простыми»; у первых почти все сшито из шелковых тканей, а в семьях пастухов — из бязи и подчаи и т. д.

Большую ценность представляют примечания, которыми снабдил «Реестр» Чингис Валиханов: «До поступления на верноподданство киргизы не имели меры (аршин и сажень), а заменяли меру шагами или руками; весы, гири и безмен тоже не употреблялись, а заменялись счетом чашек или один человек подымал рукою с земли мешок с тяжестью перпендикулярно — считалось составляет пуд»³².

«Девушки носят то же самое (что и женщины.— М. М., В. П.) одеяние, кроме головного убора, они носят на голове (богатые) бобровые шапочки с вышитыми верхушками, кистью и пером и в ушах серьги, волосы заплетают в мелкие коски (женщины волос не показывают), девочки простые также заплетают коски, но не прячут их, а зимой ходят в мужских тумакх (шапках)»³³.

После отставки Чингис Валиханов вплотную занялся этнографией. Не только художник М. С. Знаменский, но и оргкомитет конгресса ориенталистов официально разыскивал Чингиса Валиханова как знатока жизни и быта казахов, который реально мог помочь в собирании необходимых выставочных экспонатов. От имени оргкомитета К. А. Лазарев в феврале 1876 г. подписал обращение «К киргизам», в котором, в частности, говорилось, что «старинные вещи, оставшиеся от Аблай-хана (дед Чингиса по отцу.— М. М., В. П.), седла металлические лучшего качества» устроители конгресса надеются приобрести с помощью Чингиса Валиханова³⁴.

При анализе документов, опубликованных казахстанскими учеными вместе с письмом Чингиса Валиханова М. С. Знаменскому, — списков вещей, которые были собраны в Кокчетавском уезде для выставки в Санкт-Петербурге³⁵, можно установить следующее: отставной полковник играл большую роль в организации выставки на конгрессе ориенталистов 1876 г. Чингис и жившие в его ауле сыновья Жакуп и Макажан предложили для нее дорогостоящие вещи. Лично Чингис Валиханов послал вышитый аракчин (*такию*), лисий малахай, саблю с портупеей, ружье с укороченным стволом, лук и колчан со стрелами, оправленную черным железом плетть, роговую натруску, ножик и кушак из золотой парчи на зеленой подкладке. Всего от волостных управителей «киргизских волостей» кокчетавский уездный начальник получил к отправке на выставку 41 предмет (в их числе 17 представленных семей Валихановых, оцененных в 525 руб.). В отдельном «Списке вещей, имеющих быть доставленными через Кокчетавского уездного начальника г-ну военному губернатору Акмолинской области полковником Чингисом Валихановым на имеющую быть в С.-Петербурге выставку ориенталистов в конце августа 1876 г.», предметы описаны гораздо подробнее, чем то могли сделать волостные управители или чиновники в Кокчетаве. Например, в общем списке (№ 27) указано: «Колчан со стрелами и луком», а у Чингиса Валиханова (№ 3) — «Кожаный колчан под серебряною и частью золотою оправою с каменными вставками, *маржаном* (кораллами.—

М. М., В. П.), с 5-ю стрелами и кожаным поясом под серебряною оправою». Становится понятным, почему, казалось бы, обиходному предмету казахов-кочевников — луку со стрелами — определили неимоверно высокую цену в 75 руб. Добавленный в списке полковника Валиханова предмет (№ 7) «тюскиис — войлочный ковер», на наш взгляд, свидетельство того, что он «добирал» коллекцию экспонатов до последнего момента, вплоть до отправки ее в Омск. Очевидно, что для Чингиса Валиевича было важно продемонстрировать ориенталистам, как казахи украшают свои войлочные изделия: его тюскиис имел ситцевую подкладку с аппликациями из красного сукна по голубой материи.

До экспонирования выставки «вещей инородцев — сибирских татар и киргиз-кайсаков» в столице она демонстрировалась и имела успех в центре Акмолинской области — Омске³⁶. Несомненно, успеху способствовала умелая работа Чингиса Валиханова по подбору оригинальных предметов. Исполняя просьбы К. А. Лазарева и М. С. Знаменского о розыске старинных вещей, он включил в число экспонатов шашку с золотую насечкою (подарок Екатерины II хану Аблаю), плетъ «с деревянным чернем старого киргизского образца» и еще несколько уникальных предметов.

Подаренные Чингисом Валихановым ученым-современникам или научным учреждениям и организациям предметы быта казахов хранятся в музеях Москвы, Ленинграда, Гамбурга и других городов³⁷.

Следует признать, что своей многолетней деятельностью Чингис Валиевич Валиханов внес значительный вклад в развитие отечественной этнографии.

Примечания

- ¹ Сегизбаев О. Исследователь, мыслитель (Ч. Ч. Валиханов). Алма-Ата, 1974. С. 10.
- ² Масанов Э. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 198—199; Маргулан А. Х. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1984. С. 14—15; Сатпаева Ш. К. Чокан Валиханов и русская литература. Алма-Ата, 1987. С. 8—9.
- ³ Вишкевецкая В. А. Из истории собирания среднеазиатско-казахстанских коллекций МАЭ (дооктябрьский период) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. С. 8.
- ⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 43.
- ⁵ Русское богатство. 1896. № 8. С. 78.
- ⁶ Валиханов Э. Ж. Документы ЦГА Казахской ССР как источник по изучению жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата, 1988. С. 315.
- ⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 326.
- ⁸ Там же. С. 451.
- ⁹ Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Чокан Валиханов — востоковед. Алма-Ата, 1985. С. 12.
- ¹⁰ Стрелкова И. Валиханов. М., 1983. С. 29.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 30—31.
- ¹³ Стрелкова И. Указ. раб. С. 30.
- ¹⁴ В 1844 г. неприменный секретарь Академии наук запросил омскую администрацию прислать «черепки, принадлежащие народам Западной Сибири», указав среди прочих и «киргиз» // Центральный Гос. Архив (далее — ЦГА) Казахской ССР. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1590. Л. 1—3.
- ¹⁵ Отчет А. И. Шренка: Bericht über eine im Jahre 1840 in die östliche Dsugarische Kirgisensteppes unternommene Reise. Aus dem Russischen Manuskript übersetzt von C. A. Meyer // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Erste Folge. 1839—1871. F. 7. 1845. S. 273—341.
- ¹⁶ Ленинградское отделение Архива АН СССР. Ф. 142. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 16, 25 об.
- ¹⁷ ЦГА Казахской ССР. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2191. Л. 5, 6.
- ¹⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 36.
- ¹⁹ ЦГА Казахской ССР. Ф. 345. Оп. 1. Д. 874. Л. 26.
- ²⁰ Там же. Л. 27.
- ²¹ Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904. С. XXVIII. В Омском кадетском корпусе Чокан Валиханов учился с 1847 по 1853 г.
- ²² Цит. по: Маргулан А. Х. Указ. раб. С. 15. Ссылка на документ, хранящийся в Научной библиотеке Томского госуниверситета, в фонде Г. Н. Потанина (№ 1296, л. 5349).
- ²³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 200.
- ²⁴ ЦГА Казахской ССР. Ф. 345. Оп. 1. Д. 874. Л. 4—5 об.
- ²⁵ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб., 1895. С. 206—210 и др.

²⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 257.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ ЦГА Казахской ССР. Ф. 345. Оп. 1. Д. 874. Л. 29.

²⁹ Там же. Л. 45.

³⁰ Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. 1990. № 5. С. 89—91. (Количество отдельных предметов больше за счет их компонентов. Например, под одним номером значится «ружье с фитилем, с пороховницей, дробницей, тут же огниво с кремнем»; «тогыз-кумалак — набор в 180 шариков, употребляемых и для игры, и для ворожбы», и т. д.)

³¹ Там же. С. 90.

³² Там же. С. 91.

³³ Там же. С. 90.

³⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. С. 46.

³⁵ Там же. С. 47—48, 50—51.

³⁶ Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 1. Москва; Новосибирск, 1929. Стб. 581.

³⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 15; Т. 5. С. 49.